

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Александр Логачев

КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

*НКВД считает неизбежным
применить к ним высшую
меру наказания — расстрел
А. П. Берия.*

В МАРТЕ СОРОКОВОГО

«КРЫЛОВ»

Капитан госбезопасности

Александр Логачев

**Капитан госбезопасности.
В марте сорокового**

«Крылов»

2017

УДК 177.5
ББК 88.5

Логачев А.

Капитан госбезопасности. В марте сорокового
/ А. Логачев — «Крылов», 2017 — (Капитан
госбезопасности)

ISBN 978-5-4226-0280-3

В 1939 году Западная Украина вошла в состав СССР. В сороковом году там продолжается установление советской власти, и проходит оно тяжело. Этому в том числе активно мешает подполье ОУН (организации украинских националистов). Украинские националисты готовы вступить в союз хоть с чёртом, хоть с Гитлером, движимые лютой ненавистью к советскому государству. В марте сорокового с благословения абвера Степан Бандера засылает свою группу боевиков и диверсантов в город Львов. С особым заданием, суть которого Бандера скрывает даже от абвера. Выйти на бандеровское подполье и помешать им осуществить задуманное должен капитан госбезопасности Шепелев. Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

УДК 177.5
ББК 88.5

ISBN 978-5-4226-0280-3

© Логачев А., 2017
© Крылов, 2017

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Логачев Капитан госбезопасности: В марте сорокового

Глава первая Поезда движутся навстречу

По песчаной дорожке перекасти-полем катился скомканный первый лист «L'Humanite». Комок сдуло на обочину, забросило на могильную плиту, проволокло по граниту. Газета свалилась на темную, влажную землю, из которой уже пробивались нежно-зеленые ростки травы. Следующим порывом обрывок перекинуло через чугунную оградку высотой в ладонь, ударило в вертикальную плиту, вновь опустило на почву, еще немного протащило, и он уткнулся в коричневую, до блеска начищенную кожу ботинка, повернулся названием печатного органа кверху. Ботинок с ненавистью отпихнул газетный обрывок, отправляя прочь – подальше от святого места, где ничто не должно напоминать о коммунистах, компартиях и их основателях-жидах.

Ветер трепал волосы на обнаженных головах, поднимал на макушках чубы, тревожил за кончики длинные, отвислые усы.

– Зийдутьця у вильним краю! И вирю, друзи! Днина скоро буде! Люди прибудеть в Украину не як пидпильники, а як вильни чоловики!

Закончив речь, Степан Бандера опустил на колени, вдавил в землю кулаки, в одном из которых сжимал короткую папаху, и преклонил голову перед неброским надгробием на могиле Петлюры¹.

¹ Петлюра Симон Васильевич, лидер украинских националистов во время Гражданской войны. В 1920 эмигрировал во Францию. В 1926 убит в Париже, где и похоронен.

Крестясь, встали на колени шестеро молодых оуновцев. Каждый из них протянул руку и коснулся надгробия «самого любимого вождя и знамени движения за свободную Украину», которое сейчас украшали непышные букеты из скромных² цветов.

Микола Волонюк подошел и поцеловал могильный камень, потом подержал на нем, словно грея, ладонь, шепча «повалю Ряданску владу, детище не тильки москалей и жидов, а и чортово». Он отошел от могилы последним. Его дожидался Бандера. Остальные торжественно и молча уже двинулись к выходу с кладбища, надевая на ходу головные уборы и оставляя наедине своих вожаков.

Микола Волонюк, командир группы, взял под руку Бандеру, лидера младооуновцев, и они пошли по песчаной дорожке, держа дистанцию в полсотни шагов от товарищей по движению.

На улицах Парижа не так часто можно было услышать украинский язык, в отличие от русского. Но среди каменных надгробий, плит и склепов именно этого кладбища украинская мова звучала нередко.

– Ты, Микола, давеча спрашивал о допустимых методах нашей борьбы. Так ты бы еще при немцах спросил. Или ты не понимаешь, о чем можно говорить на людях, а о чем нет?

– Прости, батька, – горячо зашептал Волонюк. – Поторопился, побоялся, что другого случая не будет.

Хотя Бандера был девятьсот восьмого года рождения, а Волонюк девятьсот десятого, Микола не только обращался к Степану уважительно, но и действительно испытывал перед ним прямо-таки сыновнее благоговение.

– Нам, Микола, пока приходится считаться с немецкими капризами и со старческими неврозами Мельника. Этот дряхлеющий маразматик смотрит немцам в рот, шагу не ступит без их согласия. И тут же побежит докладывать им, если разнюхает, что мы надумали своевольничать. А разве можем мы быть уверены, что кто-то из наших братьев не работает еще и на Мельника? Вот то-то, Микола...³

Они шли по дорожке неторопливо. Бандера вертел в пальцах трость, держа ее за середину. Волонюк иногда поглядывал на него, но, видя, что батька думает, не лез с вопросами. А вопросы были.

– Они, – Степан показал рукоятью трости на идущих впереди товарищей по организации, – на территории врага будут находиться в твоём и только в твоём распоряжении. Ты для них станешь царем и богом. Они вынуждены будут выполнять твои приказы. Но о нашем разговоре, о том, что я тебе сейчас скажу, никто из них не должен узнать в любом случае. Понимаешь, о чем я?

Бандера повернул голову к собеседнику и заглянул ему в глаза, но ничего, кроме, пожалуй, собачьей преданности, в них не заметил.

– Не сомневайся, батька, – с жаром заверил Волонюк. – Со мной в могилу уйдет разговор.

– Зачем же сразу в могилу? Я рассчитываю на тебя живого. Очень рассчитываю на тебя, Микола.

Степан отвлекся взглядом на памятник – гранитная люлька, в которой угадываются очертания спеленатого младенца. И выбитая на камне надпись: «Моя маленькая Лулу, кото-

² Скромных, потому что ОУН (организация украинских националистов) всегда испытывала острую нужду в деньгах. Организацию финансировал абвер, но далеко не щедро, к тому же постоянно требовал отчета, на что потрачены средства. Рядовые члены ОУН жили очень бедно.

³ После ликвидации сотрудником НКВД в Роттердаме 23 мая 1938 года лидера ОУН Коновальца в организации началась битва за власть, поделившая членов ОУН на два лагеря. Борьба проходила между преемником Коновальца Мельником и набирающим политический вес, молодым и честолюбивым Бандерой. Дело доходило и до физического устранения боевиками ОУН друг друга.

рую бог забрал к себе через три месяца после ее рождения». «Вот пожалуйста, – подумал Бандера. – Бог допускает смерть даже невинных. Значит, не отнятие жизни греховно, а цель, во имя которой отнятие совершается. Если отнимаешь чью-то жизнь во имя собственной корысти, то прощения не будет, а если приносишь жертву на алтарь народного блага, то милостью и благодарностью народной прощение получишь. Мои хохлы потом возблагодарят меня и деяния мои, воспоют мои помыслы, что служили лишь матери нашей Украине, и до Бога дойдет их признательность».

Размышления о жизни и смерти не оставляли Степана со времени, проведенного им в камере смертников варшавской тюрьмы. Готовя себя к эшафоту и стараясь гнать прочь позорные мысли о предательстве, о вымаливании прощения на любых условиях, он не мог не думать о том, а что же ждет после, уж не расплата ли на божьем суде?⁴ Те ночи бессонных хождений среди скребущих тюремных звуков, то ощущение раскаляющегося под черепом мозга, бессильного найти выход, тот особенный холод прутьев оконной решетки, останутся – Степан уже смирил себя с неизбежностью – всегда рядом, будут его тенью, не видимой другими людьми.

Бандера отогнал не ко времени пришедшие мысли и продолжил разговор:

– Ты получил задание от абвера. На абвер же и будешь ссылаться каждый раз, на батьку Канариса. Мол, немцы мне надавали таких инструкций и полномочий. А то, что я согласие даю, про то молчи. Дойдет до Мельника, он тем самым станет на твою сторону перетягивать наших братьев.

– Значит, разрешаешь, батька, бить коммунистов?! – В радостном порыве Волонюк приблизил свое лицо к «батькиному», заставив Бандеру поморщиться – Микола обдал его луковым выхлопом.

– Разрешаю. Но бить тоже с умом надо. Если уж идти на рискованное дело, то так, чтоб наибольшая польза от него всему нашему движению. Про то, на какие дела тебе идти во Львове, мы в две минуты не обговорим. До поезда, – Бандера запустил руку под пальто и под пиджак, достал брегет, соединенный с желеточным карманом серебряной цепочкой (Волонюк знал, что брегет отбивал мелодию гапака и часы эти подарены Бандере гетманом Скоропадским⁵), – три часа пятьдесят минут. Мы отправим наших братьев на вокзал, а сами посидим недолго в каком-нибудь подвальчике, закажем по тарелке, – Бандера усмехнулся, – парижского борща, выкушаем на посошок по рюмочке французской горилки.

– Можно просто пройтись по улицам.

Если бы Бандера потрудились взглянуть на спутника, то заметил бы румянец на его щеках.

– Не беспокойся, Микола, у меня завалилось несколько грошей.

Отложив разговор до ресторана, оставшийся путь до кладбищенских ворот они проделали в молчании. Степан Бандера думал о том, чем грозит, если Миколу возьмут живым на задуманном деле. А вроде бы ничем не должно грозить. Волонюк знает не больше того, что и без него известно в НКВД. Все лидеры ОУН и видные боевики перечислены в алфавитной последовательности в чекистских списках. Что их организацию патронирует абвер – тоже для коммунистов давным-давно не секрет. Ну, сдаст Микола, не сдюжив, свои явки во Львове – так не велика беда. Провалы неизбежны.

⁴ В 1934 году оуновец Мацейко по личному приказу Бандеры, принявшему решение без согласования с абвером, застрелил польского министра генерала Перацкого. Немецкие власти, недовольные самоуправством оуновца, выдали Бандеру полякам. Польский суд приговорил Бандеру к смертной казни. Но благодаря заступничеству Германии, виселицу заменили тюрьмой, а после захвата немцами Польши в 1939 году, Бандеру выпустили на свободу.

⁵ Скоропадский П. П. (1873–1945) – один из деятелей контрреволюции на Украине в Гражданскую войну, гетман «Украинской державы» в 1918-м, эмигрировал в Германию.

Степан Бандера

Лишь бы здесь в Германии не стало известно, что он получил от него, от Бандеры, благословение на деяние свое. Ведь абвер организует засылку на советскую территорию групп, подобных той, что возглавит Микола Волонюк, совсем с иными целями: организация антикоммунистического подполья, подрывная пропагандистская работа среди недовольных властью жителей, вербовка в свои ряды новых членов, минирование мостов и других стратегических объектов, заготовка схронов с оружием и – ожидание. Ожидание приказа из Германии, а он должен поступить накануне немецкого выступления на Советы, и тогда вся «пятая колонна» должна будет прийти в движение, ударить изнутри, облегчить войскам вермахта вторжение на Украину.

Однако Степан ждать не желал, слишком надолго может затянуться ожидание. Сколько Гитлер будет еще раздумывать и мяться? Один бог то ведает... или чёрт. А борьба будет про- буксовывать на месте, настоящая борьба, а не ее видимость. Вот о том и поведет он разговор с Миколой в оставшееся до поезда на Берлин время. О настоящей борьбе.

А если у Волонюка все пройдет успешно, то бойцы ОУН, что колеблются, на чьей стороне им быть, на Бандеровой или на Мельника, встанут под знамена Бандеры. Потому что убедятся – с Бандерой и только с Бандерой они могут полностью, без страха и оглядок на немцев, уже сейчас воплощать свою мечту. А общая мечта у них у всех одна – рубить жидов и коммунистов, пока рука не устанет, как поступал и им завещал вождь Петлюра.

А если же у Микола все же сорвется задуманное, если он живым попадет в лапы НКВД, то всегда можно отказаться от Волонюка. Мол, его личная инициатива, кровь молодецкая разыграла, за всеми ж не уследишь, всем в душу глубоко не заглянешь. Придется отречься от него, придется. Второй раз немчура не простит Степану Бандере его послушание. Да и батька Канарис тогда подумает, что у ОУН должен быть один лидер по имени Мельник, а смутьяна Бандеру лучше запрятать подальше в какой-нибудь из концлагерей...

А Микола Волонюк, двигаясь под руку с Бандерой, размышлял о том, что плотный ресторанный ужин да еще под рюмочку выйдет достойным завершением паломничества на могилу Симона Петлюры, в которое их отпустили на один день. Ох и устал Микола от скупых немецких харчей в столовой разведлагеря абвера под Дрезденом, где его группа проходила подготовку...

Парижская проститутка Мари Жуардене шла на могилу подруги, скончавшейся прошлым летом от сифилиса. Ее славной подруги Жаннет, которая так любила эклеры и молочные коктейли. Они снимали когда-то на двоих комнатку на Монмартре, разделив ее на две половины китайскими ширмами. Ширмы теперь на помойке, Жаннет в земле, а Франция по-прежнему поет и веселится, словно не бежит по Европе, как по сухому лесу, пожар войны.

Недалеко от входа на кладбище Мари разминулась на дорожке с группой мужчин. На французов не похожи: повыше будут и корпулентнее, кожа не смуглая, да и лицами не похожи. На некоторых из чужаков под пальто (дешевая ткань, плохой пошив) она заметила странные рубахи с вышивкой. И усы какие-то вычурные... что-то ей напоминают. О-ля-ля, однажды в кинематографе она видела картину, где мужчины в шароварах и с саблями отвоевывают у других мужчин восточную женщину в парандже и с голым животом. Потом что-то у них происходит на корабле, кажется, мужчины не могут поделить, кому она достанется...

Но вот из этих усачей ни один не обратил внимания на Мари. Неужели я выгляжу такой старой? Или эти мужчины похоронили кого-то настолько дорогого и близкого, что считают неприличным давать волю страстям? Может быть, они из какой-нибудь такой сложной секты, о которых пишут в газетах, из каких-нибудь умерщвленцев плоти? Наверное, это русские, решила Мари. Самые странные из обитателей Парижа обязательно оказываются русскими эмигрантами.

А потом мимо Мари прошли еще двое мужчин, конечно же, из той же секты. Они тоже не бросили взгляд в сторону женщины. Из-за них, из-за этих противных сектантов, Мари очень расстроилась...⁶

– Направо, товарищ майор. Следующая дверь. Прошу!

Выкрашенная в белое дверь отошла, открывая проем в салатного цвета коридорной стене. Четверо вошли в помещение, окунулись в тяжелые запахи больничной палаты.

– Справа у окна, товарищ майор, – поторопился главврач.

– И где же он?

Больничная койка справа у окна пустовала. Взгляды вошедших не опознали искомого человека также ни в больном с рукой на перевязи, нехотя покидающем широкий подоконник, ни в больном, подсевшем на чужую кровать сыграть партию в шахматы. И вообще в палате людей насчитывалось меньше, чем кроватей, а быть такого не могло – Финская война переполнила госпитали и больницы Ленинграда.

– Где остальные? – накинулся главврач на больного, оказавшегося к нему ближе других. – В курилке опять?!

– Курят, – не стал скрывать не бог весть какое правонарушение товарищей по стационару человек с забинтованной головой, нехотя оторвавшись от истрепанной книги без обложки.

– Сколько можно вам говорить! Я вас заставляю соблюдать режим! Чекисты называется!

Главврач ругался напоказ, демонстрируя высоким гостям из НКВД, что борется за дисциплину во вверенном ему госпитале. На самом деле подобные мелочи его нисколько не волновали.

– Товарищ майор, позвать его? – Главврач взглянул на майора госбезопасности Алянчикова. И снова ощутил позорную дрожь внутри, натолкнувшись на вспарывающий, скальпельный взгляд майора. И тут же он, военврач первого ранга⁷, испытал прилив стыда за собственную беспочвенную трусость.

⁶ В 1943 году Мари Жуардене застрелила немецкого офицера, с которым проводила ночь. Была арестована гестапо и расстреляна. К Сопротивлению не принадлежала.

⁷ Соответствует званию полковника.

– Ведите к нему, – распорядился Алянчиков. И, выйдя в коридор первым, обратился к главврачу, закрывавшему дверь: – Разве ему разрешено курить, ему разрешено вставать?

Военврач растерялся, подыскивая пригодный ответ. И подыскал такой:

– Больные, они ж как дети. Им говоришь, говоришь, а они не слушают.

– Ладно, – многообещающе проговорил майор. – Идем.

Курилкой этому отделения госпиталя служила библиотечная комната.

Из приоткрытой двери библиотечной курилки выползал дым и доносился смех, сопровождающий чей-то рассказ:

– ...Смотрим на них в бинокль. Ну точно, бутылка, никаких сомнений. Наполовину вылезла из кармана. И как достать? Не подползешь. Финны, собаки, все простреливают. Подгоняем саперный⁸. Бабахаем кошкой раз. Мимо. Бабахаем два. Зубья проползают рядом, цепляют белофинскую шапку с ушами и тянут на нашу сторону...

В каждой больнице, как и в каждой роте, найдется такой балагур-рассказчик, непременно собирающий вокруг себя благодарную аудиторию. Видимо, один из таких затейников и выступал сейчас в сизых папиросных облаках.

Четверка остановилась на краю тени, отбрасываемой дверью курилки.

– Похоже, многие у вас тут перележали, половине пора на выписку, – заметил Алянчиков без тени улыбки или иного намека на шутку. – Позовите капитана.

В ожидании, сцепив за спиной руки, Алянчиков вышагивал от стены к стене. Его сегодняшняя мрачность превосходила его повседневную мрачность. И в кого-то должна сегодня ударить молния. Двое сопровождающих майора сотрудников Ленинградского НКВД надеялись, что их сия участь минует.

Из двери библиотечной курилки, из табачной завесы вышел тот, за кем они пришли – появился капитан Шепелев, стряхивающий пепел в пустой коробок. Ни перевязи, ни бинтов под пижамой Алянчиков на больном не разглядел. («В левую или правую руку он был ранен?» – попытался вспомнить майор. И не вспомнил). За спиной капитана бушевал голос главврача: «Забавляемся! Значит, лечиться не хотим? Симулируем! Значит, с таким диагнозом и отправить вас в части? Марш по палатам!»

– Здравия желаю, товарищ майор, – капитан стряхнул пепел в коробок.

«Разве только осунулся капитан, да синяки под глазами», – подумал Алянчиков и сказал:

– Здравствуйте. Выгляните вполне здоровым человеком, товарищ Шепелев. Собирайтесь, будете долечиваться в Москве. Приказ товарища Берии. Машина ждет внизу. Поезд отходит через два часа, в восемнадцать сорок. До Москвы вас будет сопровождать лейтенант Билик и сержант Пахомов.

Алянчиков повел рукой в сторону, этим самым указывая, что стоящие за его спиной люди и есть упомянутые лейтенант и сержант.

– Успеваете заехать домой, переодеться. Вы же так и не были дома с той поры?

– Нет, – подтвердил капитан.

Под «той порой» подразумевалась командировка на финский фронт, где повоевал он недолго, но эти дни оказались переполнены боями, холодом, снегом и смертями. А потом был полевой лазарет, оборудованный в блиндаже, где капитан пошел было на поправку, но схватил воспаление легких. Ничего удивительного, когда за бревенчатыми стенами свирепствовали морозы, доходившие в иные дни этой зимы до минус пятидесяти. Его срочно пере-

⁸ Имеется в виду одна из разновидностей саперных танков, применявшихся в Финской войне. Она предназначалась для растаскивания проволочных заграждений. На броне за башней танка БТ-5 устанавливалась мортира, выстреливающая трал-кошкой. К трал-кошке был присоединен трос, разматывающийся в полете с барабана. Потом трос наматывался на барабан, а кошка разрывала и стаскивала проволочные заграждения.

правили в тыл, поместили в этот госпиталь, где он вот уже больше месяца избавлялся от воспаления, долечивал руку, восстанавливал силы.

Собеседники пристально смотрели друг другу в глаза. Каждый из них не отказался бы вскрыть другому черепную коробку и прочитать мысли стоящего напротив человека. Алянчиков полагал, что Шепелев сейчас нервно угадывает значение вызова в Москву, не арест ли его там ждет? Однако капитан думал о другом – о том, что товарищей Билика и Пахомова он видит впервые. Значит, назначены во время его финской командировки, значит, они – назначенцы Алянчикова и взяты, может быть, на место его погибших на фронте ребят. Да, Зимняя война за какие-то считанные недели отняла у капитана всех его товарищей. Погибли его подчиненные, погиб на линии Маннергейма Ленька-Жох, в городе умер от сердечного приступа старший майор Нетунаев, непосредственный начальник капитана, прикрывавший его от служебных неприятностей, в том числе и от того же Алянчикова, с которым у Шепелева были серьезные контры по разным вопросам.

А майор Алянчиков сейчас как раз размышлял, зачем товарищ Берия вызывает капитана Шепелева в Москву чем это может грозить лично ему, Алянчикову. Если капитана собираются оставить в Москве и повысить в должности за его подвиги на линии Маннергейма, то не захочет ли он свести счеты, решив, что именно майор стал причиной сердечной болезни его, капитанского, приятеля Нетунаева? Это заставляло волноваться.

Из курилки повалил болящий народ, разогнанный главврачом. Вместе с разновозрастными мужчинами в полосатых пижамах, мало напоминающих комнатный состав войск НКВД, выкатился из библиотечной комнаты белохалатный и круглый военврач первого ранга. Алянчиков подозвал его к себе взглядом.

– Оформляйте выписку, товарищ главврач. Теперь нашим больным займутся московские специалисты...

Две «эмки» отъехали от госпиталя. Из окна первой машины смотрел на пробуждающийся от зимы город капитан госбезопасности Шепелев. Он сидел на переднем сидении в зимнем обмундировании, в котором в январе покидал Ленинград, в котором спал в снежных норах среди карельских лесов.

Капитан провожал глазами точащиеся ледяным соком сталактиты сосулек, трамваи с бесшабашной, экономящей пятаки для мороженого детворой на «колбасе», зимние шубы и пальто, уже растянутые сверху на несколько пуговиц, освеженные солнцем лица. А думал он о женщине по имени Ольга. Недавно он позвонил ей с госпитальной вахты. Сообщил, что жив, что залечивает простуду. На ее порыв навестить его в госпитале попросил не делать этого. Сказал, что через неделю-полторы выпишется и тогда уже ничто не помешает им встретиться в подобающем состоянии в подобающей обстановке. Она ждет его... он тоже ждет встречи с ней. Но лучше, так он решил тогда, подождать еще какую-то недельку и явиться здоровым, предстать не в застиранной пижаме, а в человеческом костюме, с букетом. Однако вот как поворачивается...

А во второй «эмке» все-таки разразилась накапливавшаяся в течение дня гроза. Под разряд командирской молнии попал шофер, везший Алянчикова на Литейный. Слишком лихим показался майору разворот на слякотной улице, покрытой взбитым колесами грязным снегом. И товарищ майор выговорился. Странно, что водитель служебной «эмки» взамен обещанным ему карам и наказаниям не предпочел красивую шоферскую смерть в лобовом столкновении с грузовиком на встречной полосе...

...Дома Шепелева встретила только пыль. Сопровождающие его товарищи Билик и Пахомов сопроводили до квартиры и сейчас дожидались на коммунальной кухне, скрипели там стульями. Видимо, им было приказано на всякий случай не отпускать от себя товарища капитана. А вдруг какая глупость придет в голову товарища капитана и он попытается скрыться? Ведь ему же неизвестно, для чего его везут в Москву, насочиняет еще себе вся-

кого, напридумывает. А кому, спрашивается, известно? Алянчиков тоже в известность не поставлен, иначе бы по-другому себя вел, с какой бы то ни было определенностью. Скорее всего, лишь товарищ Берия и в курсе, зачем ему понадобился Борис Шепелев из Ленинградского НКВД.

Надев костюм, капитан понял, что похудел. Брючный ремень требовал новой дырки, в плечах и талии отсутствовала привычная плотность прилегания. «Не в Москву бы тебе, товарищ, – капитан носовым платком очистил свое изображение в зеркале от пылевой завесы, – а в Ялту или Гагры на усиленное санаторное питание». Седой налет пыли покрывал и черный лакированный корпус телефона. Позвонить ей из дома, рассказать о вызове в Москву? Нет. Если все будет в порядке, он сможет телефонировать и из столицы. А если не будет в порядке, то тогда уже будет все равно...

В поезде капитан госбезопасности Шепелев власть отоспался. Не иначе на него от колесного перестука и унылого присутствия товарищей Билика и Пахомова нашла болезнь сурка. Двенадцать часов дороги он дрых без сновидений на нижней полке мягкого вагона. В госпитале так поспать не получалось, будили стоны соседей по палате, их ночные хождения, давила на голову духота в помещении, мучили собственные кошмары, состряпанные из воспоминаний разной степени давности. Железнодорожные условия подарили полное отключение от яви. Впрочем, один раз он все-таки пробудился. Доел бутерброды и пирожки, купленные на Московском вокзале, запил холодным чаем и тут же снова упал на подушку, и на сей раз не отнимал от нее голову до самой Москвы...

* * *

До смены оставалось полчаса. А может... Петр отвел рукав шинели, опустил взгляд на часы – двадцать девять минут. Если так часто глядеть на время, то оно будет стоять на месте. Это знает каждый часовой, и каждый часовой поминутно смотрит на часы. И каждый берет с собой их единственные на караул часы. И не забывает напомнить тому, кого сменяет, чтобы снял их с руки и отдал.

Вообще-то как должно быть оборудовано: охраняемые объекты должны ярко освещаться, а дорожка часового находиться во тьме. Здесь же наоборот. Фонари стоят вдоль тропы, проложенной по периметру мимо складов, автопарка, спящей казармы, хрюкающего свинарника, мимо забора части, отделяющего ее от города. Скучно светят одинокие лампочки над дверями складских помещений – да и то не всех, а лишь некоторых. Автопарк так тот вообще темен, как ночной ярославский лес, окружающий родную Петину деревню. Когда проходишь мимо него, то вспоминаешь бабкины сказки про леших и ведьмаков, насканивающих на добрых людей по ночам. Ну и темны ж ночи на этой Украине, как ведро смолы!

Словом, при таком раскладе из-за любого куста, дерева и из-за забора на часового, который торчит как на ладони, могут запросто напасть. Могут отобрать винтовку, а самого зарезать. Хотя и стараешься держаться середины тропы, но не так уж она и широка. Вот потому неуютно чувствовал себя Петр в карауле. Его бы воля, он бы лучше ходил в непочтенные наряды на кухню.

И вообще не нравилось Петру во Львове, хотя в городе он и не бывал ни разу с тех пор, как его часть сюда перебросили. Какими-то беспокойными и придирчивыми стали командиры, кормят хуже, политучебы стало в два раза больше. И вообще всё кажется чужим, неродным, даже на территории части. Даже к здешнему воздуху никак не придышаться...

А дальше все пошло не так, как прописано в караульном уставе.

Сначала был шорох. Тихий такой, несерьезный. Военная часть полна мелкими звуками: протрещит крыльями перелетающая птица, закачается, а то и треснет под ней ветка, под ветром или само собой звякнет что-то в автопарке, боров приложится в свинарнике

тушей к стене, раздадутся, наконец, осторожные шаги начальника караула, который любит подкрасться с проверкой бдительности часового. И чего насторожил Петра тот шорох? Насторожил, прямо как их домашнего кота, который дрыхнет на кухне среди грохота, звона и трескотни бабьих переколов, но стоит только хрустнуть ветви где-нибудь за оконцем, тут же наострит уши и примет стойку. Видать, было в том шорохе нечто неуловимо непривычное, и донесся он оттуда, откуда всегда исходило ощущение опасности – от узкого прохода между свинарником и складом, от прохода, который скрывает от глаз высокий край ramпы.

Петр закаменел. Взгляд шарил по сгустку тьмы. Кровь прилила к ладони, придерживающей ремень винтовки. А патрон-то не в стволе. Надо передернуть затвор, но страшно пошевелиться, страшно выдать себя звуками. Дождаться разводящего и сменщика? Втроем-то чего ж будет не подойти...

Петр несколько раз собирался с духом на окрик «Эй, там, выходи, стрелять буду!», но... слова застревали в горле.

Прошла минута. Или больше? А то и меньше? И столбняк вдруг отпустил Петра. «Чего я пугаюсь? – подумал он. – Ну, прошуршало там, крыса, может, пробежала. Ну, темный закуток, над которым давно пора столб с фонарем поставить. Чего ж я от всякого куста шарахаюсь! Прямо как Ванька-убогонький, который и в двадцать лет бегал от гусakov, собак и курей».

Застыдив сам себя, Петр ожил. Снял – но все ж проделывая это медленно и аккуратно, следя, чтоб не звякнул ремень, не клацнул затвор – с плеча винтарь, левой подхватил под магазинной коробкой, правой обхватил узкую часть ложи перед прикладом. И, ступая осторожно, почему-то непроизвольно наклоняясь вперед, стал продвигаться к проходу между складом и свинарником. Он переступил границу, за которой заканчивался фонарный свет. Примкнутый штык прорезал, покачиваясь влево-вправо, холодный ночной мрак в полтора метра перед часовым.

А дальше все пошло не так, как происходило на страницах устава гарнизонной и караульной службы и на учебных картинках в караульном помещении. Не было и в помине той ясности, определенности и четкости, где все зависит только от бдительности и правильности твоих действий. Не дали крикнуть «Стой, стреляю!», не позволили совершить предупредительный выстрел в воздух. Петр даже не понял, что, как и зачем он делает. Да и не он это действовал, а его страх. Когда часть тьмы вдруг ожила и кинулась к нему, озвучивая движение шорохом песчаного грунта, руки Петра направили в ту сторону винтовку, выбрасывая ее вперед, навстречу. Руки почувствовали сопротивление, нажали и продавили сопротивление.

– На помощь! – Взвился по-пионерски звонкий крик и не сразу, но Петр осознал, что это стараются его легкие и горло. – Сюда!!!

И он продолжал звать во весь голос «на помощь» и «сюда» почти до самого конца.

А руки Петра толкали винтовку по-прежнему вперед. Тот, кого поддел игольчатый штык трехлинейки, заваливался на спину, а часовой наступал на него, давая увлечь к земле винтовочное дуло. И тут второй силуэт отделился от черноты и бросился на Петра.

Красноармеец оставил табельное оружие и побежал. Ноги понесли его к ramпе, он нырнул под нее, прополз на карачках к стене и лег.

Прогремел пистолетный выстрел, Петины глаза ухватили вспышку. А в руку впились бетонные крошки. «В меня!» – ужаснулся часовой.

Мама! Прогремело второй раз. А потом явственно послышался удаляющийся топот ног. «Я жив?» Все указывало на то, что жив. Кроме зуда в руке ничего ужасающего он не испытывал. Тогда он испугался того, что ему будет за брошенную винтовку и позорное бегство. Он выбрался из укрытия, побежал обратно. И облегченно выдохнул, обнаружив винтовку непохищенной.

Петр выдернул из тела того, кого он – чего уж там! – случайно поймал на штык, сорок три сантиметра окровавленной стали. Потом склонился над убитым. Гражданский мужик какой-то. И его вдруг наполнила радость, когда он стал смекать, что произошло. Это ж было нападение на часового! А он одного убил! «Отпуск получу! Да чтоб мне лопнуть получу! Однако надо пострелять для порядка».

Часовой Петр пять раз передергивал затвор и пять раз стрелял в воздух. Можно сказать, празднично салютовал, дожидаясь, пока прибежит его караул...

А человек с револьвером влетел по загода приставленной лестнице на ограду воинской части и спрыгнул вниз. Когда он забирался по лестнице, за спиной заговорила винтовка. Ночь сотрясли выстрелы, и из-за них шофер грузовика, державший мотор включенным, сорвался с места. Поднявшись с земли, человек с револьвером увидел, как машина скрывается за углом.

Проклятье, одно к одному! Говорил же он, что шофер хилват, может подвести. А-а, что теперь... Он оглянулся. Дьявольщина! С той стороны улицы торопливо шел человек в милицейской форме. Да, они всегда тут ходят кругами вокруг части, но мог бы он сегодня оказаться и подальше. Неудачи продолжались – легавый увидел его, припустил, придерживая фуражку и на бегу расстегивая кобуру.

Человек с револьвером пересек дорогу, нырнул в узкий, в одну телегу шириной, переулок, наткнулся на двух прохожих и попытался обогнуть с криком «В сторону, суки!», угрожающе подняв оружие.

– Тоджесть москаль! Холера! – Услышал он радостный пьяный возглас и челюсть его содрогнулась от удара. Словно кувалдой долбанули.

«Свий я чоловик, брат-поляк, виду боротьбу за национальне визволення!» – хотел закричать беглец, разжимая пальцы и выпуская револьвер на булыжники мостовой, но сознание вместе с телом стало валиться набок подрубленным деревом.

– Молодцы! – вбежал в переулок милиционер. – Задержали!

– Так ми тут, пан офицер, э-э... – развел могучие руки в стороны первый из припозднившихся гуляк и поглядел на своего собутыльника, который, судя по бессмысленному выражению лица, вообще не понимал, где они и что дееся вокруг, и на завтра вряд ли что вспомнит...

Глава вторая

Два – один не в пользу «Динамо»

Товарищи Билик и Пахомов отлично справились с поручением и отбыли в Ленинград. Капитана Шепелева встретили на вокзале московские товарищи, посадили теперь уже в московскую «эмку» и повезли прочь от железной дороги, сказав только одно: «Вас ждут, товарищ Шепелев».

«Как со мной обращаются, – пытался определить капитан, – как с дорогим гостем или как с арестованным?» Выходило – с тем, о ком неизвестно, что за участь ему уготована. Обращались осторожно, учтиво, но настойчиво и с безотрывным вниманием. И равно как и первый, второй его эскорт (или конвой) в беседы с опекаемым на всякий случай не вступал.

Шепелев даже не интересовался, куда его везут. Его вопросы все равно не изменят маршрут следования и программу пребывания в столице. Ладно, решил капитан, будем дрейфовать, посмотрим, куда прибудет.

Прибило к поликлинике НКВД. Сопровождающие товарищи, опять же в количестве двух единиц (Шепелев не утруждал себя запоминанием их фамилий и званий), повели капитана на второй этаж, где его действительно ждали...

* * *

Каблук попал в коленную чашечку косовато набитой на него подковкой. Арестованному, вскрикнувшему от боли, вскочить, упасть или просто согнуться не дали. Находившийся позади следователь Борисов удержал его за ворот, прижимая к спинке стула. Потом Борисов наклонился к уху допрашиваемого и покричал, не отпуская сминаемые кистью воротники пиджака и рубашки, встряхивая человека на стуле после каждого слова, чтобы оно лучше дошло:

– Нравится? Понял? Понял, что это лишь цветочки? А потом пойдут ягоды и фрукты.

Арестованный выдавил из разбитого рта вместе с кровавой слюной короткое матерное ругательство.

– Вот, он не понял. Ему надо объяснить получше, – следователь НКВД Великохатко, стуча по паркету подковками на сапогах, быстро пошел к столу, рывком выдвинул верхний ящик, снял с кипы листов писчей бумаги гантель и с нею в руке вернулся к арестанту.

– Вот, он не понял, Паша. До них до всех сперва долго доходит. Пластай его, Паша...

Допрос

Следователь Борисов сбросил арестованного со стула, тот упал боком.

– На живот и руки вперед! – приказал Борисов.

И уже не впервые заключенный попытался ответить следователям. На этот раз он извернулся на полу и махнул ногой, стремясь сбить подсечкой ближайшего из чекистов – Борисов успел подпрыгнуть, а потом отскочить в сторону. Великохатко недолго думая вбил утяжеленный гантелью кулак в область почек. После чего следователям удалось повернуть допрашиваемого лицом к полу и вытянуть вперед его руки, скованные наручниками. И тогда без проволок и убеждающих разговоров Великохатко опустил гимнастическую двухкилограммовую гантель на левую кисть арестованного. Первый раз получилось неудачно – гантельный шар попал посредине тыльной стороны ладони. Чекист сразу ударил вторично, обрушивая металл куда и хотел – на пальцевые кости. Раздался хруст, а вместе с ним – вскрик, переросший в протяжный стон.

– Что, падла, будешь говорить или нет?! – Борисов, удерживая колено на спине, вздернул голову арестанта за волосы. – Пальцы – это ерунда. Дальше пойдут яйца. Представь, гантеля со всего размаха плющит твое яйцо. Ух! – следователя аж самого передернуло. – А это будет. Завтра будет. У тебя есть один, один шанс – выложить все, подписать бумагу о сотрудничестве с органами, вот тогда ты останешься жив и цел... В других случаях ты получишь, чего заслуживаешь. Ты будешь долго мучиться, я тебе...

– погоди, Паша, – рядом присел на корточки Иван Великохатко, широкой ладонью (он весь был широк в кости) обхватил арестованного под горло, – я ему растолкую, где больнее всего. Эй! – он вдавил пальцы поглубже в шею человека на полу. – А завтра всажу в десну иголку с зазубриной на конце, заведу под корень зуба, начну там ковыряться...

Арестант на это презрительно плюнул на пол.

– Пишли ви! Я вид Кеменя род веду!

– Ах ты гниль! – Великохатко вскинул руку с гантелью, но Борисов предостерегающе поднял палец, покрутил головой, скривив лицо, как от зубной боли.

– Симаков! – крикнул Иван, отпустив горло и поднимаясь.

Дверь кабинета распахнулась, в нее заглянул конвоир.

– В камеру!

Гантель полетела на бумаги в верхний ящик. Задвигание ящика совпало во времени со щелчком двери, которую следователь Борисов закрыл за выведенным арестантом.

– Серый⁹ не любит, когда ему подсовывают инвалидов, – Борисов вернулся на середину комнаты, освещенную направленным ламповым светом, и опустился на место для арестованных. Это был не табурет, а стул, к полу не привинченный. Да и вообще много еще было недоделок в помещениях знания, которое занимало львовское НКВД. Слишком мало времени прошло со дня прихода советской власти на Западную Украину, и слишком много дел навалилось сразу же, не до благоустройства тут.

– Кто такой этот Кемень, от которого эта сволочь род ведет? Может, попробовать за это зацепиться?

– Да слушай ты его больше, – следователь Великохатко закурил «казбечину», подошел к окну, отодвинул, впуская уличный свет, плотную синюю занавеску. – Потомственного героя корчит. Кеменя он выкопал из местных легенд. Трансильванский князь, который в этих местах с турками бился, – Иван открыл форточку. – А по-русски он говорит, не волнуясь, выдрючивается... пока. Вот проведет ночь со сломанным пальцем, глядишь, поумнеет. Серый точно завтра грозился нагрять?

⁹ Имеют в виду Серова, наркома внутренних дел Украины.

– Грозиться-то грозился, а кто его знает. Давай по делу Бойко кого-нибудь вызовем?

– Да уймись ты, дай покурить спокойно, – Великохатко поморщился то ли от неседливости коллеги, то ли от вида замызганных стекол. – Ты мне лучше скажи, Паша, не зря мы так сходу увязали два грузовика?

– А нам бы потом сказали, что ж вы это очевидное проглядели? Ведь сходство дел бросается в глаза, – Борисов достал из ящика карандаш, а из кармана перочинный ножик. Заточка карандашей заменяла ему курение. – И без нас бы кто-нибудь разглядел, что история месячной давности с грузовиком, на котором увезли пятьдесят комплектов формы, в деталях совпадает с этой историей. Только на этот раз враги удрали не все, одного часовой зарезал, другого поймала милиция.

– А может, не было грузовика вчера ночью? – Великохатко на грязном стекле нарисовал, не отрывая руки, пятиконечную звезду. – Часовому послышалось, а постовому показалось, что отъезжает машина?

– Поздно, Ваня, – следователь Борисов прищурился, вытянул руку с карандашом, повертел его, перебирая подушечками грани. Заточка его устроила. – Уже запущено. Будем пытаться выйти на группу.

– Ведь будь это простое нападение на часового с целью завладения оружием, а наш Кемень не стал бы колоться, кто б нам слово сказал! Оформили бы чирик без права на переписку и забыли бы, – следователь Великохатко закрыл форточку, задвинул занавеску, вернулся к столу. – А теперь только отчитываться по этому делу замудохаешься. И коли не разговоришь его, пойдет шепот, мол, работать не умеют...

– А вдруг он завтра во всем сознается, а, Ваня?

– Ага, а послезавтра наступит лето, – криво усмехнулся Великохатко.

– Как ты думаешь, Ваня, – неожиданно спросил следователь Борисов, любуясь следующим обработанным карандашом, – если вдруг по недосмотру надзирателей в камере или, – оторвав взгляд от карандаша, Борисов перевел его на Великохатко, – в карцере в руках нашего Кеменя окажутся, ну скажем, осколок или шнурок, упустит он такой случай? Зачем ему проходить все мучения, когда его конец все равно определен?

– Если только по недосмотру надзирателей, – во всю ширь улыбнулся Великохатко...

* * *

В общем, с ним проделывали все то, к чему он за последнее время привык. Прослушивали, заставляя вздрагивать от холодных касаний стетоскопом груди и спины, простукивали, рассматривали шрамы, считали пульс, измеряли давление. Принуждали приседать, сгибать руки в локтях, вытягивать их перед собой, разводить в стороны, били молоточком по коленям и смотрели язык. Но на минимуме в московской ведомственной поликлинике не остановились, а продолжили подвергать тщательному осмотру. Проверяли зрение, слух, носоглотку. Испытывали легкие, давая дышать в трубку. Кожник исследовал его телесный покров столь скрупулезно, словно разглядывал карту местности, где ему предстоит атаковать противника. Потом капитана Шепелева повели в спортзал, где вызвали выносливость его сердца с помощью упражнений на шведских стенках и матах, по выполнению которых сразу шли замеры давления и пульса, а потом – новые упражнения.

Капитан послушно исполнял требуемое и недоумевал. К чему ж меня готовят-то? Уж не на полюс ли отправляют? Или особистом в геологическую экспедицию. Или у них в Москве заведен такой обычай – медосмотр перед расстрелом.

Раза три за время странствия по врачам и экзекуциям капитану пришлось сознаться в том, что курит, и ровно столько же раз прослушать лекции с описанием грозящих неминуемых последствий и с упором на то, что его здоровье не принадлежит ему одному. В манере

держат себя и даже в осанке врачей, по которым его водили из кабинета в кабинет, ощущался совсем другой, столичный уровень медобслуживания, где капитаном госбезопасности не удивишь. Но самым представительным и многознающим показался капитану медспециалист, обнаруженный за дверью с табличкой «Каб. заведующего». Шепелев подумал, что если этот поставит ему диагноз, то этот диагноз будет навсегда.

Капитан занял место у стола напротив пожилого военврача с профессорской бородкой, принявшегося листать заведенное на Бориса Шепелева в этой поликлинике час назад медицинское досье. Два неприметных и молчаливых спутника ленинградского гостя присели на стулья возле двери. В такие минуты, когда ждут оглашения врачебного приговора, забываются иные неприятности этого мира и вспоминаются все твои болезни, какими перестрадал, начиная с детских свинок с коклюшами и заканчивая теми, что порождены курением и алкоголем. Обыкновенно в такие мгновения разум человека светлеет и человек дает себе правильные уроки: бросить то, сократиться в этом, не злоупотреблять тем-то. Правда, все сразу забывается, когда спускаешься с облегченным выдохом по ступеням поликлиники. Вот и капитан Шепелев сейчас не в первый в жизни раз клятвенно пообещал себе завязать с табакокурением...

Тишина в «Каб. заведующего» позволила присутствующим без помех прослушать урчание в животе Шепелева.

– Вы завтракали? – Врач оторвал взгляд от исписанных нечитаемым почерком страниц и взглянул вверх очков на пациента.

– Не успел, – сознался капитан.

– Почему не организовали?! – Хозяин кабинета лишь повысил голос, но этого хватило, чтобы вызвать на лицах московских чекистов замешательство и испуг. – Сейчас же ведите его обедать, – приказал он, не дожидаясь оправданий. – Ресторан за углом. Деньги есть? Отлично. Разрешаю, даже прописываю стаканчик красного вина. Но не больше стаканчика. Полноценный обед, красное вино и фрукты. Потом сразу же обратно ко мне. Не больше сорока минут. Я пока свяжусь с Новиковым¹⁰. Идите.

Шепелев все меньше понимал, что происходит. Похоже, его принимают в столице как дорогого, долгожданного, принимают гостя на самом высоком медицинском уровне. Вот только стоит ли этому радоваться? Впрочем, накрытым перед ним сейчас обедом нет причин быть недовольным. Сытно, своевременно и бесплатно.

Если выбирать из множества версий – его готовят к работе. В качестве кого? А в каком качестве, спросил сам себя капитан, ты недавно прославился и об этом могло стать известно в Москве? Как диверсант. Очень может быть, придется продолжать карьеру диверсантом, а не контрразведчиком. Ничего не поделаешь, он человек службы. Что прикажут...

Если бы этим лбам, что сейчас уписывают солянку и запивают ее нарзаном, было бы что-то известно, то можно было бы вытянуть из них информацию косвенными вопросами и болтовней на отвлеченные темы. Да кто же им доверит что-то серьезное, их лица выдают уровень их посвящения в тайны.

Впрочем, разговор у них за столом завязался. После вопроса одного из товарищей «А как там у вас в Ленинграде?» После чего как-то незаметно, потихоньку закрутился извечный спор, какой из городов лучше.

– Болото, оно и есть болото. Дышишь пополам с водой, а под ногами тряско. Чуть дунет сильнее, вас заливают водой, как сусликов в норе.

– Лучше так, зато в городе, а не в деревне, пусть и здоровой. Тут у вас вкривь, вкось, все тяп-ляп, абы как, по сторонам глядеть никакого удовольствия.

¹⁰ Начальник медслужбы НКВД.

Так за незатейливой беседой опустели тарелки и истекло отведенное заведующим поликлиникой НКВД обеденное время.

И опять тот же «Каб. заведующего», та же профессорская борода напротив и тот же взгляд поверх очков. И на пороге встречает неожиданный вопрос:

– Товарищ Новиков не возражает. Однако Лаврентий Павлович просил узнать у вас, товарищ Шепелев, не чувствуете ли вы усталости, не считаете ли, что вам сегодня лучше отдохнуть?

Товарищ Шепелев чуть было не переспросил: «Это товарищ Берия интересуется?» Но спохватился.

– Нет, товарищ военврач, усталости не чувствую. Готов приступить незамедлительно.

– Очень хорошо. Тогда Лаврентий Павлович просил передать вот что...

* * *

На стадионе «Динамо» шел первый матч сезона. Тысячи парков от дыхания болельщиков поднимались над трибунами вместе с папиросными дымками. Солнце, соскучившееся за три месяца по футболу, изо всех весенних сил согревало чашу стадиона. Люди на лавках разматывали шарфы, расстегивали выходные воскресные пальто. Свободных мест не было. Билеты на матч «Динамо – ЦДКА» раскупили уже на второй день продажи, и перед игрой их можно было приобрести разве у перекупщиков с надбавкой в два или три рубля.

«Динамо» принимали армейцев. Шла седьмая минута второго тайма, ЦДКА вел один ноль и продолжал атаковать. Шепелев и его сопровождающие подошли к стадиону, когда многотысячный вопль разочарования выплеснулся из чаши – динамовец не замкнул передачу с фланга, поскользнувшись на тяжелом весеннем газоне и промахнувшись по мячу.

Пройдя пустыми коридорами подтрибунных служебных помещений, многократно подвергнувшись проверке пропусков, они очутились в правительственной ложе. Они вошли в тот момент, когда одни люди откинулись на спинки мягких стульев, хватаясь за голову, лупя кулаками по коленям и сопровождая свое огорчение разной крепости восклицаниями. А другие, главным образом, люди в военной форме (в одном из них Шепелев признал маршала Ворошилова) наоборот радовались, аплодировали, хлопали друг друга по плечам, обменивались рукопожатиями. Стадионные динамики ожили сочным баритоном диктора:

– Гол в ворота «Динамо» забил Григорий Федотов...

Окончание потонуло в реве и свисте восьмидесяти тысяч болельщиков.

«Был бы на моем месте Дед, – подумалось капитану, поджидающему вместе со своими сопровождающими, когда улягутся футбольные страсти, – его бы это привело в шок. Дед считал вождей людьми, сделанными из особенного нравственного теста. Считал их аскетами, жизнь свою подчиняющими исключительно помыслам о народном благе и разговаривающим на языке статей партийных съездов. А они и футболом болеют, и матерятся, как простые советские, смертные граждане».

– Утерли мы вам нос, Лаврентий. Два мяча вам не отквитать. Готовь коньяк! – не скрывая своего торжества, зычным командным голосом объявил военный с небольшим квадратиком усов, с четырьмя ромбами в малиновых петлицах под золотой.¹¹

А в это время один из спутников Шепелева пробрался к первому ряду стульев, наклонился к сидящему с краю человеку. «Товарищ Круглов»¹², – Шепелеву удалось расслышать только обращение.

¹¹ Командарм первого ранга.

¹² Заместитель наркома внутренних дел по кадрам.

В этом же ряду повернул голову на прогремевший в ложе голос человек в фетровой шляпе, из-под которой блеснули линзы:

– Будет тебе коньяк, биджо, не переживай. А чемпионат все равно мы выиграем.

Капитану Шепелеву не составило великого труда догадаться, кто откликнулся на обращение «Лаврентий», как и опознать народного комиссара внутренних дел по известному благодаря фотографиям ястребиному профилю. Да и пенсне опять же.

Команда «Динамо» (Москва), 1940 год

Тем временем товарищу Круглову удалось завладеть вниманием товарища Берия...

Шепелев ненадолго отвел взгляд от наркома и взглянул вниз, на поле. А там синие-белые игроки с буквой «Д» на футболках прижали красно-синих к своим воротам. Стадион «Динамо» несмолкающим, переливающимся из сектора в сектор криком призывал своих на штурм.

Глупая, но смешная мысль пришла в голову Шепелеву: вот если бы решить назревающий конфликт между Германией и СССР в футбольной встрече, составив команды из вождей обеих стран. Вот бы игра получилась, матч века! Гитлера и товарища Сталина, присвоив им первые номера, поставить в ворота, пускай оберегают последний рубеж и сзади подгоняют ленивых лозунгами. Канарис и товарищ Берия будут играть в защите, по должности положено. Ворошилова и Буденного определить в форварды, чтоб прорывались в штрафную площадку лихими кавалерийскими наскоками мимо Бормана и Геринга. Товарища Жданова пристроить на северо-западный край, пусть бежит по бровке и навешивает на бритую голову Хрущева. Все население Земли прильнет к радиоприемникам, затаив дыхание, станет вслушиваться в потрескивающую помехами трансляцию: «Риббентроп обходит Молотова, пасует Геббельсу, вместо уставшего Гимmlера гитлеровцы выпускают на замену свежего игрока Шелленберга, Мюллера удаляют с поля на первой же минуте за грубую игру...»

А судьей взять Чемберлена, он любит выступать арбитром в международных делах. Хотя нет, Чемберлен не годится, будет подсуживать немцам, лучше взять Рузвельта, ведь американцам пока до фонаря европейские баталии...

Динамолец, номер которого на футболке невозможно было разобрать из-за налипшей грязи, угодил мячом из выгодной позиции не в сетку, а в ногу армейца, и мяч выкатился за пределы поля. Корнер, так, кажется, это называется?

Капитан почувствовал, как щеку обжигает взгляд, а боковое зрение поймало отражаемое весенним солнцем блеск стеклышек пенсне. А губы капитана как назло в этот миг раздвинула дурацкая улыбка, отразившая на лице его игровые мысли.

– Ну их в жопу! Не могу я на это больше смотреть! – Опять раздался в ложе голос с сильным грузинским акцентом. – Позовите меня, когда наши сравняют счет.¹³

Берия пробирался к выходу. «А у него маленькие руки и ноги», – первое, что отметил для себя капитан при встрече с наркомом внутренних дел. Подойдя к Шепелеву, Берия хлопнул его по плечу:

– Пойдемте, капитан, в ресторане поговорим.

– Федотова надо к «замээс» представлять, – догнало капитана, покидающего вслед за своим наркомом правительственную ложу, громкое мнение Ворошилова.¹⁴

В ресторан стадиона «Динамо» нарком не взял никого из замов. За ним последовали только двое охранников кавказской внешности. Шепелева тоже сопровождала собственная охрана – все та же парочка, не разлучавшаяся с ним с самого вокзала. Разлучиться пришлось сейчас – их оставили за ресторанной дверью.

– Здравствуй, Любочка, здравствуй, красавица, – приветствовал Берия выскочившую навстречу с блокнотиком наготове официантку в сиреновом переднике и маленьком бумажном кокошнике. – Сделай нам две бутылки «Лыхны» и немножко закусить.

Показав капитану, чтобы тот садился, Берия бросил пальто и шляпу на соседний стул и остался в сером двубортном пиджаке. Шепелев, шивший себе у одного из лучших портных Ленинграда, чья работа не уступала заграничной, нашел пошив наркомовского костюма безыскусным, а ткань не слишком дорогой. Вот шелковый галстук Лаврентия Павловича, похоже, имел закордонное происхождение. Повесив свое пальто на спинку стула, капитан сел напротив Лаврентия Павловича. Если ни Сам, ни охрана не воспользовались гардеробом, значит, таковы привычки хозяина – не доверять посторонним свои вещи и вещи своих людей. Охрана – видимо, привычно для себя – расположилась за ближайшим столиком, но за таким, откуда не услышишь, о чем говорят.

В ресторане кроме них пропускала увлекательный матч лишь парочка, состоявшая из основательно нагружившегося гражданина, скорее всего, товарища выше средней ответственности, и его молоденькой спутницы, заметно скучавшей со своим другом. Берия приоткрылся к парочке, внимательно и откровенно оглядел девушку, встретил ее взгляд, сделал ей приветственный знак рукой и вдруг, внезапно повернувшись к капитану, выстрелил в него своим первым вопросом:

– Чему это вы там улыбались?

Линзы пенсне отражали огни ресторанных многорожковых люстр. «Почему его пенсне все время, как ни встретишься с ним взглядом, отсвечивает? – пришло на ум капитану. – Глаз не видно». А поскольку глаз было не видно, делалось несколько жутковато. Капитан почувствовал, что выдумывать ничего не следует, не тот собеседник, чтобы его с первых слов знакомства без последствий обманывать. Придется сознаваться, ничего не поделаешь, раз так лопухнулся с улыбкой. И Шепелев изложил свои фантазии о матче века, правда, в смягченном варианте.

Товарищ Берия хохотал, наклонив голову и положив ладони на лысину. Тряслись его плечи, колыхались щеки. Он не смог перестать смеяться, даже когда подошла Любочка с подносом и стала перегружать на стол вазу с фруктами, тарелки с салатами, пирожки и две бутылки сухого красного вина «Лыхны».

– За такую шутку можно и к майору представить, – сумел выдать из себя Лаврентий Павлович, когда официантка уже успела открыть вино, разлить его по фужерам и скрыться за кухонной дверью. – Обязательно перескажу товарищу Сталину. Ему понравится. Гитлера на ворота, меня в защиту, я представляю.

¹³ «Динамо» являлось командой НКВД.

¹⁴ Г. И. Федотов получил звание заслуженного мастера спорта в этом же, 1940-м, году.

Наконец Берия совершенно успокоился.

– Тогда товарищ Шепелев, я вам тоже смешную историю расскажу. Да, давайте пить и есть. Будем пить по-русски, без тостов.

Товарищу Шепелеву, пожалуй, было что возразить на последнее замечание, но он счел благоразумным промолчать.

– Так вот, – товарищ нарком залпом осушил полфужера, – едем мы сюда в машине с моим заместителем товарищем Меркуловым. Он кратко обобщает мне полученное из Ленинграда ваше личное дело. И говорит, что стреляет этот капитан так себе, ничего выдающегося, рукопашным боем не владеет и вообще не спортсмен. Как же, удивляется Меркулов, этот капитан так сумел отличиться и в Ленинграде, и тем более в Финляндии. Тогда я ему говорю: «Товарищ Меркулов, я вот тоже неважно стреляю и дерусь, по-вашему выходит, я тоже ни на что не сгодился бы в Финскую войну или в Ленинграде?» Он заерзал, понес какую-то лакейскую чепуху, пришлось прервать и объяснить, что для оперативного работника и даже для диверсанта важнее всего умение быстро соображать и мгновенно принимать важные решения. Правильно я говорю?

– Совершенно с вами согласен, товарищ народный комиссар...

– Бросьте, товарищ Шепелев, – перебил его Берия. – Называйте по имени-отчеству, мы в ресторане, а не на совещании. Знаете, как вы очутились в Москве, – это было произнесено без намека на вопросительную интонацию, и без паузы последовало продолжение: – Товарищ Сталин меня спросил, выздоровел ваш герой? Звоню в Ленинград, узнаю, что герой еще в госпитале. Что ж, интересуюсь, у вас так медленно лечат? Говорю, что у нас в Москве уже давно поставили бы человека на ноги. А они поняли это как приказ доставить вас немедленно. Что ж, тем лучше. Потому что по дороге сюда, на стадион, пришла мне в голову идея. Тем более наш главный врач Новиков заверил, что с вашим здоровьем все в порядке. Правда, порекомендовал отдых и хорошее питание...

Берия налил себе вина в опустевший фужер.

– Кому перешла ваша агентура? – Лаврентий Павлович неожиданно поменял тему. – Она же должна была кому-то перейти, когда вас командировали на фронт?

Вопрос капитану понравился. Вопрос человека, не понаслышке знакомого с оперативной работой. Шепелев почувствовал к грозному товарищу Берия профессиональную симпатию. Видимо, ему не приходится объяснять простые вещи. Кстати, тому же Алянчикову и некоторые оперативные азы не растолкуешь. Даже от Деда порой ему трудно было добиться понимания. А о Ежове капитану доводилось слышать, что тот был профессионально крайне некомпетентный человек.¹⁵

– Старшему майору Нетунаеву, но он скончался от сердечного приступа как раз в середине января, когда я находился на Карельском перешейке.

– И все это время агентура простаивала, – это был уже не вопрос, а заключение. – Сейчас с ней тоже никто не работает. Скверно, скверно... Но об этом мы подумаем. Итак, капитан, вы служили в конвойных войсках, – Берия сделал еще один поворот в разговоре, – и должны хорошо знать лагерную жизнь, блатные повадки, словечки?

Почему-то Шепелев не сомневался – при всех якобы внезапных перескоках с темы на тему Лаврентий Павлович прочно держался магистральной линии. А все эти зигзаги разговора, видимо, не что иное, как его обычный способ ведения разговора.

– Конечно, хуже, чем заключенным, но кое-что известно.

¹⁵ Ежов – предшественник Берии на посту наркома внутренних дел. Не было ничего удивительного в том, что Берия отлично разбирался в особенностях оперативной работы – с 1921 по 1931 годы он занимал высокий пост в ЧК и ОГПУ в Закавказье.

Берия вытащил из вазочки пирожок, надкусил его, положил на скатерть рядом с тарелкой нетронутого салата.

– Вас финны ранили в руку?

– Да.

– Куда именно?

Капитан показал то место на предплечье, где навывлет прошла финская пуля.

– Покажите шрам! – потребовал Берия, наливая себе остатки вина из первой бутылки.

– То есть как? – растерялся Шепелев.

– Снимите пиджак, закатайте рукав и покажите шрам, – нетерпеливо и властно повторил нарком. – Что вам, как маленькому, все разжевывать?

Более вопросов не задавая, капитан выполнил приказ. Снял пиджак и закатал рукав. Нарком взгляделся в шрам, розовеющий молочной кожей. На праздный интерес это не походило, еще меньше оснований имелось заподозрить товарища Берию в заботе о здоровье ленинградского капитана.

– Хорошо, – выдал заключение нарком внутренних дел. – Видно, что свежий.

Берия потерял интерес к ранению капитана, вернулся к вину и недоеденному пирожку.

– А почему так плохо пьете?

– На работе, – ответил Шепелев, возвращая пиджак на плечи.

– Пока не на работе. Работа у вас начнется вечером. А есть вам что мешает?

– Разговор, Лаврентий Павлович.

– Сейчас говорить буду я, вы будете слушать и есть, как тот кот из басни, понятно? И пить вино из абхазского села Лыхны.

Берия поднял фужер, движением руки повелевая капитану сделать то же самое.

– До дна! – приказал нарком.

– Хороший оперативный работник, – Лаврентий Павлович поставил пустой фужер на скатерть, – обязан уметь пить. Он должен быть способен при необходимости перепить того, кого разрабатывает. Если он не умеет пить, то лучше всего тогда... что?

– Разыгрывать непьющего, – проглотив недожеванный салат, отозвался Шепелев на внезапный вопрос.

– Правильно, капитан. Соображаете. Теперь представьте. В камере сидит, ну допустим, англичанин. И в ком он скорее заподозрит подсадку: в англоговорящем или в том, кто ни бельмеса не знает по-английски, с кем ему приходится объясняться жестами?

– В первом. Только...

– Так вот, – Берия не стал дослушивать мнение капитана, – то же можно отнести к хохлу, который на дух не переносит русских. Вы слышали об ОУН, капитан?

– Да.

– Они нам очень досаждают сейчас на Западной Украине. Как могут мешают становлению там Советской власти. Нечего объяснять, какое стратегическое значение имеет для нас этот район. Он граничит с Германской Польшей. Немецкие шпионы, большинство из которых принадлежит к ОУН, просачиваются сквозь границу, как вода в дырявую лоханку. Так вот, капитан. У меня родилась одна оперативная комбинация, когда я прослушивал от Меркулова ваше личное дело. Вы идеально подходите на роль главного исполнителя. Разговор с вами утвердил меня в первоначальном мнении, вы должны справиться. Но вы мне скажите, вы чувствуете в себе силы заниматься сейчас работой? Или вам требуется отдых? Хотите, я вам устрою сегодня же отпуск. В Сухуми, в санаторий? Будете дышать настоящим кавказским воздухом. Ничто так не лечит, как воздух Кавказа, никакие пилюли и примочки. Ну как?

Интересно, что будет, если он откажется от немедленной работы, сославшись на неважное самочувствие, слабость и какие-нибудь боли? Почему-то капитану показалось, что он

знает ответ на этот вопрос. Сначала его действительно отправят долечиваться на курорт, а потом переведут на Дальний Восток или в Коми продолжать службу Родине среди лесов и болот.

– Я чувствую себя совершенно здоровым, Лаврентий Павлович. Более того, я уже устал от бездействия.

Шепелев, конечно, соврал, но где-то на одну вторую. От больничного безделья он действительно устал, но от курорта бы не отказался, сто лет уж не был. Поехал бы с радостью. Просто, чтобы отдышаться. Да и в коротких, ни к чему не обязывающих курортных романах есть своя особенная прелесть...

– Хорошо, – похоже, Берия и не ждал иного ответа. – Скоро... – Берия поглядел на часы, – через десять минут матч закончится, в ресторан набьются болельщики. Объявится и Меркулов. Я вас ему представлю. С ним будете дорабатывать детали и с теми людьми, с которыми он вас сведет. Но не сейчас, а потом будете дорабатывать, потому что прямо отсюда мы с вами едем к товарищу Сталину...

– К товарищу Сталину?!

– Так вы, капитан, и вызваны в Москву были потому, что вашими геройскими подвигами заинтересовался товарищ Сталин. Сегодня увидите нашего вождя...

Глава третья

Ворам законы писаны

Фридрих Вильгельм Канарис знал, что он – одно из немногих высокопоставленных лиц рейха, кто по-настоящему ненавидит евреев.¹⁶

И как это ни парадоксально, но он не одобрял их истребления. Высылать их из страны – да, его натура против этого не восставала, а вот геноцид вызывал у него отвращение, как и концлагеря, и газовые атаки. Начальник абвера вообще не одобрял нецивилизованные способы ведения войны. Он, привыкший всегда и во всем дотошно разбираться, в том числе и в складках собственного характера, привыкший выявлять происхождение, устанавливать причину и следствия, он понимал, откуда что взялось.

Он, Фридрих Вильгельм, сложился в личность, с которой вынужден будет жить и мириться до конца своих дней, в семье и во время учебы в Кильском императорском кадетском училище. Отец, директор рурского металлургического завода, с рождения сына мечтал, чтобы тот сделал военную карьеру, направлял его на этот путь и своего добился. Детство Вильгельма прошло среди книг по истории, где история представляла как цепь знаменитых сражений, среди жизнеописаний великих полководцев, в играх с солдатиками, подаренных раньше других игрушек, среди парадов, на которые отец его постоянно возил, прошло в отцовских разговорах о том, что именно военные – цвет немецкой нации, нации героев. Да, он впитал в себя военно-романтические идеалы (сейчас он понимал, что именно таким словом лучше всего можно определить фундамент своего характера). Благородство на поле брани осталось для него достоинством воина. Свою натуру, когда тебе пятьдесят три года, уже не переделаешь под жестокие требования сегодняшнего дня.

Но что нельзя изменить, можно скрывать. Скажем, свое отношение к национал-социалистским методам. Что, что, а скрывать он умел. Он знал, что его за глаза называют «старым хитрым лисом», а штаб-квартиру абвера на Тирпицуфер 74/76 – «лисьей норой». Пусть так, он не против. И величия Германии он лично будет добиваться честной войной. В войне должны торжествовать милость и благородство побеждающих к побеждаемым – он никогда не отступит от этого своего убеждения.

Что касается евреев, то... Перед собой нужно быть честным... Первый любовный опыт сказывается на всей последующей жизни. Он впервые влюбился восемнадцатилетним кадетом, в девятьсот пятом, когда вырвался из-под утомившей родительской опеки и оказался вдали от дома, поменяв Аплербек¹⁷ на Киль.

На первом году учебы в императорском училище он влюбился. Она была удивительно хороша, эта дочь адвоката, Эльза. Он отдал ей весь пыл первой любви, превратился в ее пажа, в ее верного слугу, готового, стоит ей только пошевелить пальчиком, исполнить любую ее прихоть. А пажа за пажа и держат. Ничего удивительно – понимает он сейчас с высоты прожитых лет – что она полюбила не его, а невесть откуда появившегося сына оптового торговца шоколадками «Нестле». По фамилии то ли Розенблум, то ли Розенкрейц. Тот, в отличие от Вильгельма, знающего толк разве в военной тактике и стратегии, знал, как нужно обходиться с барышнями того времени. Он читал ей наизусть модные стихи, сочинял стихи в ее честь, беседовал с ней о будущем психоанализа, о равноправии женщин – и быстро добился успеха.

¹⁶ Именно Канарис предложил, чтобы евреи носили нашитую на одежду звезду Давида.

¹⁷ Местечко под Дортмундом.

Если сказать, что кадет Вильгельм Канарис переживал свою отставку – не сказать ничего. От самоубийства его тогда удержало лишь вовремя пришедшее из дома письмо. Напомнившее ему о близких и о том, что с ними станет, если он покончит с собой.

И того первого своего проигрыша, той ночи над заряженным револьвером он этим розенблюмам и розенбергам не простит никогда...

Да, он один из немногих, кто ненавидит евреев по-настоящему. Но он, в отличие от иных, не демонстрирует свою ненависть в показательных актах. Может быть, потому, что его не беспокоит, как незалеченная грыжа, нечистота своего происхождения. Ему незачем утаивать свою генеалогию, он может ей гордиться. Чего не скажешь о многих высокопоставленных лицах рейха. Ему ли, Канарису, этого не знать. А при необходимости сможет и доказать. О чем некоторые нацистские шишки подозревают, а Гейдрих так тот всё ищет, ищет. Ищет досье на себя, в котором хранятся доказательства его неарийского происхождения, его нечистоты по отцу. Ему надо очень постараться, чтобы найти, у него не получается и от бессилия и злобы он велел устроить тот дурацкий пожар в архиве.¹⁸

Пользуясь редкой паузой посреди рабочего дня, начальник абвера вышел на террасу. Сделать глоток-другой свежего воздуха, посмотреть на Ландверканал. До очередного визитера есть еще минут десять, до визитера, которому он тоже уделит не больше десяти минут. Большого он не стоит. Этот... как его... украинский экстремист... Бандера! Да, Степан Бандера. Любитель террора.

Фридрих Вильгельм Канарис

Канарис не был сторонником актов диверсий, террора, саботажа в мирное время. Чего уж там сторонником, противником такого пустого расходования человеческих ресурсов он был. Результаты, которых можно добиться этими действиями, не стоили затрат на них. Допустим, диверсионная группа абвера-2 из пяти человек, год обучавшаяся на учебной базе (на что уходят немалые деньги), забрасывается на территорию противника. Скажем, в Галицию. Заброска требует усилий и опять же средств (экипировка, фальшивые документы, зачастую еще и авиационное топливо, парашюты). Группа вживается в местные условия, растворя-

¹⁸ По поводу пожара в помещении Центрального архива абвера (подотдел «Ц») существует такое множество версий, что смешным и нелепым выглядит предположение о случайном возгорании из-за неисправной проводки или брошенного окурка.

ется в населении, начинает действовать – для Советского Союза преодоление этого этапа можно уже считать удачей. И вот эта группа, допустим, минировала мост, взрывает его. Что же дальше? Да, нанесен ущерб, грузы не доставлены, пассажиры тоскуют на вокзалах, но время мирное и мост быстро восстанавливают. Тем более дело происходит в Советском Союзе, где для выполнения задания нагонят солдат и заключенных – те могут отстроить новый мост за ночь. А на поиски диверсантов бросают всю контрразведку края. Перетряхивают все вверх дном и, скорее всего, кого-нибудь из наследившей группы (а она не сможет не наследить) прихватят. И тот может выдать не только всю группу, но и тех, кого успеют к тому времени завербовать из местных жителей, а также, возможно, место хранения оружия и взрывчатки. Спрашивается, это приемлемая цена за какой-то мост?

Другое дело, если группа поднимет на воздух тот же мост, когда им прикажут, то есть за несколько часов до начала военного вторжения. И польза налицо, и мост восстановить труднее, если вообще возможно. И выйти на след группы просто не успеют, и она продолжит действовать с той же активностью. И второй мост возможен, и третий.

И как таких простых вещей может не понимать этот Бандера и эти его неугомонные соратники! Куда они спешат? Разве можно спешить на поезд, когда тот еще не подан из депо. Спешить не спеши, а все едино – не уедешь.

Вот о чем размышлял начальник Управления/Аисланд/Абвер/ОКВ¹⁹ в то время, как к нему вели Степана Бандеру.

* * *

Карцер следственного изолятора львовского НКВД был не самым комфортабельным уголком на этом свете. Особенно здорово об этом от кого-нибудь услышать, а не убеждаться самому. Шепелев убеждался сам, вышагивая от стены к стене. Ширина помещения – один полновесный шаг или пять «лилипутиков», длина – три обычных шага. Зато производит впечатление высота, где-то два с половиной человеческих роста. Украшением не только потолка, но и камеры в целом, служит тусклая лампа в патроне на свисающем проводе. Обычно со светом в карцерах происходит одно из двух: или полное отсутствие, или уж такую лампу ввинтят, что заснуть можно, лишь прикрывая глаза ладонями, а в бодрствующем состоянии от слепящего света постепенно начинаешь трогаться умом. Здесь же наличествует промежуточный, мягкий вариант. Ну это же молодой, неопытный изолятор в стадии становления.

Действительно, лампочка – единственная достопримечательность карцера. Более ничего. Ни нар, ни «откидух», ни тюфяков, ни соломы, ни параша. Оправляться выводят два раза в сутки. Так что надо набираться терпения. Не вытерпел – можно не сомневаться, надзиратели заставят тебя вылизать лужу языком или вытрут тобой, оставляя на полу вместо желтого красное пятно.

«Вот она – замена курорту, – с печалью констатировал капитан Шепелев. – Курорту, на который мне предлагал отправиться товарищ Берия». Но все-таки разные они, разные эти ощущения – когда ты по своей воле записываешься в зеки и когда не по своей.

Спасибо выбранному им роду занятий. Благодаря ему он вот уже третий месяц не может попасть домой, а лишь меняет военные пейзажи на камерную обстановку, а одну камерную обстановку на другую. От перемен последних дней в глазах рябит. Поезда и автомобили, за окнами которых мелькают улицы, площади, города, а ландшафты среднерусские перетекают в западно-украинские, и вот приехали – карцер. А давно ли он шел по вычи-

¹⁹ Полное официальное название абвера. ОКВ расшифровывается как Оберкомандвермахт – высшее командование вооруженными силами Германии, аналог нашего Генерального штаба.

щенным до неправдоподобия дорожкам Кремля, входил в здание, окруженное конусами елей одинаковой высоты, поднимался на второй этаж по мраморной лестнице, мигающей отраженными огнями ярких светильников, следовал по тихим безлюдным коридорам, топя подошвы в мягкой ковровой ленте, вступал в приемную размерами с Вселенную (стоявшие там три письменных стола, ни один из которых не поместился бы в карцер, казались журнальными), переступал порог кабинета вождя народов, главного человека страны. Еще вспоминается сейчас, когда он вышагивает в каменном мешке, крупнейший кабинет Берии на третьем этаже здания НКВД на Лубянке, куда его и Меркулова вызвал Берия перед отъездом во Львов. Давно ли это было...

Поменялся и круг общения. Вчера – первые лица страны. Сегодня он ждет... Кстати, легок на помине. Неужели и вправду сто лет проживет? Ай-яй...

Стих топот ног за дверью. Послышалась команда «Лицом к стене». Лязгнули засовы. Дверь отошла. В проем ступила фигура. Человек сделал шаг от порога и остановился. Дверь захлопнулась.

Они смотрели друг на друга. Заключение Шепелев видел перед собой заключенного, чье имя оставалось неизвестным, потому что тот его не называл, равно отказываясь говорить что-либо вообще. А документов при нем обнаружено не было. На объяснение, откуда берется такое упорство, наводили глаза... Глаза фанатика, словно провалившиеся внутрь черепа, почти не двигающиеся в глазницах. Взгляд переводится с объекта на объект поворотом головы, а сфокусировавшись на чем-то, как сейчас на сокамернике, не моргая, сверлит в нем дыру. Эти всегда большие зрачки, эти в красных жилках, будто всегда воспалены, белки. Шепелев, доводилось, встречал подобные глаза.

(Капитану пришел на память эпизод из тридцать восьмого года. На тот момент в Ленинграде существование секты иосифлян поддерживал один-единственный уцелевший после тридцать седьмого года иосифлянин. Он жил при иосифлянской маленькой деревянной церкви, стоявшей на Лесном проспекте. Когда за ним пришли, он поджег церковь, собираясь сгореть вместе с нею в очищающем пламени. До сих пор капитан не уверен в разумности своих действий. Но тогда некогда было размышлять, он приказал сопровождавшим его оперативникам выбить дверь и бросился в огонь. Вытащить фанатика из жара, из-под трещавших, порохом разгорающихся перекрытий удалось только в бесчувственном состоянии, огрев по голове предметом из сектантской утвари, похожим на чашу. Церковные балки осыпались спустя секунду после того, как капитан со своей ношей перевалился через порог. Наверное, все-таки следовало дать иосифлянину умереть той смертью, какую он себе выбрал. А так продлены оказались его земные мучения, вдобавок и еще один человек пострадал. Следовательно, что работал с иосифлянином и определил того в сумасшедший дом. Общение с сектантом не прошло даром и для сотрудника органов. Всякие проповеди, проклятия, пророчества, анафемы, сыпавшиеся на допросах, подействовали на следователя. Спустя какое-то время и он очутился в психиатрической больнице).

Сейчас немигающий взгляд исподлобья был нацелен точнехонько в товарища Шепелева. Человек не двигался, стоял по-прежнему возле двери. Его глаза дополняли бледное узкое лицо с высоким лбом. Небольшая залысина переходила в прямые, светлые, словно выгоревшие, недавно подстриженные волосы. Рост этого человека по ориентировкам определялся бы как «ниже среднего». Человек сутулился. Возраст около тридцати, хотя капитан почему-то был уверен, что он выглядит старше своих лет...

Наконец вновьприбывший сдвинулся со своего места. Он протиснулся мимо Шепелева к дальней стенке карцера, там остановился, повернувшись к сокамернику спиной. Приложил кисть с разбитым пальцем к каменной кладке. Да, стены их камеры могли охладить любой пыл. Камни, казалось, сами вырабатывают холод или высасывают его из земли – карцер устроен был в подвале, мог бы служить (а, может, и служил когда-то) погребом. Карцер,

разумеется, не отапливали, иначе какой бы это был карцер. Температура в нем держалась, думается, круглый год одинаковая, колыхалась около плюс десяти. Это бы и ничего, если б не приходилось прислоняться к камням, пробирающим стынью сквозь одежду. А прислоняться приходилось – спать, кроме как на камнях, было не на чем.

Новичок карцера добавочно прислонился к стене и лбом. Так и стоял, погруженный в свои мысли. Капитан продолжил расхаживать на оставшемся клочке пола. Никто ни на кого вроде бы не обращал внимания...

Шепелев бросил взгляд на смотровой «глазок» двери и... ударом ноги в поясницу впечатал незнакомца к стене. Потом, ухватившись руками за потрепанный пиджак и ногой сделав подсечку, повалил сокамерника на пол. Добившись своего, капитан за волосы вздернул голову поверженного и приставил к его горлу остро заточенную о камень щепку. Ее острие разрезало кожу, и по шее потекла кровавая струйка, попала на дерево, сжимаемое пальцами Шепелева.

– Ну, баклан дешевый, колись, что надумали? – капитан склонился к сокамернику. – Как твоя позорная кликуха? Кто тебя послал, чего обещали? Кто хату держит? Как мочить хотел? Ну! Вываливай все!

Тот, кто не называл своего имени на допросах, молчал и сейчас, тяжело дыша, иногда зажмуриваясь от боли.

– Дуру ломаешь? Лады, отложим покуда. А ща мы позырим, с чем тебя подкинули. Не думали ж они, что ты голыми руками со мной справишься.

Капитан отпустил волосы – голова сокамерника произвольно опустилась на пол. Свободной рукой Шепелев ощупал сначала воротник пиджака, потом рубахи, принялся обследовать швы. Вскоре одной рукой уже было не обойтись, капитан спрятал щепку за отворот рукава своей рубашки и устроил новому приятелю полноценный, тщательный шмон.

Когда капитан рывком перевернул его на спину, сокамерник, отлежавшийся после прикладывания к стене и падения на пол, надумал было сопротивляться, но сумел только подвигнуть по полу и напрямч здоровую руку и согнуть ногу в колене. Ждавший такого поворота капитан отвесил сокамернику смачную зуботычину.

– Смирно лежать, падла! – процедил он сквозь зубы, а прозвучало как окрик. Тут же капитан наступил сапогом на запястье той руки, на которой фиолетово-бардовой сарделькой выделялся раздробленный палец.

– Раздавлю клешню. Палец потревожу.

И Шепелев продолжил обыск. Распахнул на молчаливом заключенном пиджак.

– Гляжу, картинами ты не расписан. Ни одной синюхи. Первая ходка?

Его сокамерник злобно сверлил капитана взглядом и рот раскрывать не собирался, хотя и сопротивляться более не пытался. Капитан, стянув с ноги, ощупывал ботинок и думал о том, что из-за этого хмыря, чью обувь он якобы внимательно и недоверчиво осматривает, на его теле навечно останутся синюхи. Правда, от татуировок на руках Шепелев наотрез отказался, но на груди ему выкололи собор с тремя куполами, а в области сердца – профиль Сталина.

– Кажись, понимаю, – сказал капитан, бросив себе за спину второй ботинок приятеля по камере. – Ты, сывка, сел по первой, тебе обещали легкую прописку и сахарную жизнь в лагере, если замочишь одну суку. Чего про меня наговорили?

Капитан поднялся, отряхивая руки.

– Наврали, что все по закону, порешили на сходняке. Что ссучился, мол, деловой, корешей сдавал. Как же ты меня мочить собирался? Скатать рубаху жгутом и во сне удавить?

Капитан бросил себя вниз, выставив согнутый локоть, который вонзил в живот пытающегося приподняться и встать сокамерника. Тот взвыл, согнулся, готов был заорать, но его рот накрыла рука капитана.

– Тихо, тихо, сявка. Думаешь, прибегут и вытащат? Это карцер, козел, сюда сажают, чтоб жизнь медом не казалась. Тебе не покажется, падлой буду.

И снова капитан вытащил щепку, но на этот раз приставил не к горлу, а к глазу. Заставил опуститься на глаз веко и надавил на него острием.

– Нравится так? Задавлю, баклан. Говори!

– Що ты хочеш вид мене?!

– Забалакал, гляди! Я тебе уже говорил. Вываливай все, что знаешь. Кто в хате заправляет, кто тебя послал?

– Яка хата?

Капитан видел, что испуга на лице и в голосе нет. Есть недоумение, горечь и злость. Интересно, он уже сейчас всерьез думает о том, как побыстрее расстаться с жизнью, в которой покоя до остатка дней (а остаток видится небольшим) не дожидаться? Пытать будут и наверху, и в камере. Именно об этом он и должен задуматься. Придется усилить впечатление. Капитан переместил ногу и наступил на сломанный палец, снова накрыв ладонью рот сокамерника.

Отпустив ладонь, товарищ Шепелев поднялся и отошел от потерявшего сознание врага. Присел на корточки. Прислонился было спиной к стене, но холод быстро преодолел вязаную жилетку и рубашку, и пришлось отлипнуть от камней.

«Покурить бы. Да вот никак не может оказаться у меня папирос и спичек. Может, воспользоваться ситуацией и попробовать бросить? Роль позволяет. Почему вор не может думать о вреде курения? Но как же сосет от желания! Уж в глазах жжет. А на ум идут одни затыжки».

Как и всем курильщикам, лишенным табака, капитану стали являться картинки, где клубится сладкий дым и люди затягиваются полной грудью. Вспомнилась Сталинская трубка. Из темного дерева, чуть длиннее ладони, с большой круглой чашечкой, с изогнутым на конце мундштуком. Но Сталин закурил не сразу, когда позавчера товарищей Берия и Шепелева секретарь впустил в кабинет вождя.

Сталин вышел навстречу, когда он и Берия вступили в ярко освещенный кабинет. Лаврентий Павлович, а вместе с ним и Шепелев остановились у ближнего к двери края длинного стола, предназначенного для совещаний. Здесь они дождались, когда Сталин, ступавший по ковру в фетровых «бурках», в которые были заправлены брюки, подойдет к ним. После наркома внутренних дел пришла очередь пожимать протянутую руку вождя капитану госбезопасности. Ладонь Сталина легла в ладонь оперативного сотрудника НКВД и оказалась небольшой, сухой и жесткой. «Величайший организатор и учитель» лишь обозначил пожатие, чуть шевельнув пальцами с желтыми от табака подушечками. Шепелев осторожно сомкнул свои пальцы на кисти «первого машиниста революции, величайшего ленинца, руководителя мирового пролетариата». Вот тут капитана и прожгло, как током. Человек, который улыбался мудрой, всезнающей улыбкой с плакатов, соперничающих друг с другом величиной, глаза которого следили за тобой с портретов, бюстов и фотографий в каждом помещении и в каждом доме – он из плоти! Вот он перед тобой, жмет твою руку, как простой человек! Один из тех, кто решает сейчас судьбы мира. Которого боялся Гитлер, Черчилль, Муссолини. За чью голову они осыпали бы благами и охраняли бы до самой смерти. О ком слагают песни, что всегда услышишь, просто поверни ручку радиоприемника. Чьи мудрость, прозорливость, доброту и все иные достоинства восхваляют в стихах, книгах, в фильмах, всюду. Чьи появления в кинохрониках встречают аплодисментами во всех кинотеатрах страны. «А я стою рядом с ним!» Он на расстоянии протянутой руки! С крапинками оспы на лице, усы не идеально смоляно-черные, а вперемешку из желтых, черных и седых волосков. Он. Он, кто представлялся (хотя и понимаешь умом, что это, скорее всего, не так), но все же представлялся невольно кем-то, сопоставимым с былинными героями.

Пол качнулся под товарищем Шепелевым. Пустились в пляс предметы перед глазами капитана, фигура руководителя партии и народа стала размываться в тумане.

– Вы еще не долечились, товарищ Шепелев? – спросил вождь, просовывая правую руку между пуговицами френча и заглядывая в глаза побледневшего капитана.

– Здоров наш герой, здоров. Просто обалдел от встречи с самим товарищем Сталиным, – рассмеялся Берия и подбадривающе похлопал подчиненного по плечу. – Такое со всеми бывает, товарищ капитан.

– Садитесь, товарищи, – левой рукой, в которой он сжимал нераскуренную трубку, вождь показал на стол для совещаний.

Если Берия сел, то капитан опустился на что-то, оказавшееся стулом. Сталин медленно пошел вдоль стола, при каждом шаге немного наклоняясь вперед.

– Вот видите, а некоторые болтуны утверждают, что товарищ Сталин отгородился от народа, от жизни в стране. Узнаёт все только из газет и докладов, – руководитель партии остановился, не дойдя до середины стола, обернулся. – Скажите, товарищ Шепелев, а финны хорошие солдаты?

Капитан хотел подняться.

– Сидите, – холодная трубка поднялась и опустилась вместе с рукой.

– Да, товарищ Сталин, – ответил капитан, ощущая неуют оттого, что приходится разговаривать с вождем сидя.

– Это хорошо, когда противник сильный. Потому что со слабым противником распускаешься и становишься слабее, а сильный вас заставляет подтягиваться, расти...

Неторопливая, доверительная тихая манера говорить, где каждый отрезок речи подчеркивался паузой и движением руки, действовала гипнотически. Этот человек казался всепонимающим, всепрощающим мудрым отцом и наставником, с которым хотелось быть откровенным. Вот спроси сейчас Сталин, подумал Шепелев, о том, что скрываю ото всех, ведь выложу правду. Надо избавляться от этого наваждения, приказал себе капитан, брать вожжи в руки.

– Война – это беда, но есть очень верная пословица, что нет худа без добра, – товарищ Сталин продолжал идти вдоль стола и говорить. – Вооруженная борьба открывает народу его героев, и эти герои занимают подходящие им места. Товарищ Берия, надо сделать представление на Орден Красного Знамени. Я думаю, заслуги товарища Шепелева в советско-финском вооруженном конфликте достойны самой высокой награды.

Сталин дошел до своего рабочего стола, раскрыл какую-то коробку... Впрочем, капитану сразу стало ясно – какую, потому что из нее вождь стал шепотка за шепоткой извлекать табак и неторопливо, как и говорил, как, возможно, делал все, принялся набивать чашку трубки. Шепелев вспомнил вдруг, что Берия в ресторанном разговоре назвал советско-финское противостояние тем, чем оно и было – Финской войной, а не так как его именовали в газетах и сейчас Сталин – вооруженным конфликтом. И почему-то это сопоставление и наблюдение за тем, как вождь набивает трубку, сняло с Шепелева наваждение, охватившее его от близости отца народов. «Спроси теперь Сталин о том, что скрываю ото всех, ведь совру и глазом не моргну, и ни о чем он не догадается».

У стола вспыхнула спичка и после нескольких глубоких затяжек трубка загорелась.

– Вы владеете иностранными языками, товарищ Шепелев? – Сталин медленно пошел в обратную сторону, к двери, но двигался уже с новой стороны стола.

– Нет, товарищ Сталин.

– Плохо, – покачал головой руководитель партии. – Надо учить языки. Но сейчас мы не имеем права отвлекаться на учебу, иначе кто вместо нас будет защищать страну. А потому надо как можно скорее приблизить то время, когда никакие внешние и внутренние враги не будут отвлекать наших людей от труда и учения.

– У нас, товарищ Сталин, есть методики, – вступил в разговор Берия. – За два месяца мы научим любому языку. Если человек, конечно, не совсем безмозглый.

– Два месяца, так долго? А более быстрых методик у вас нет?

Шепелев заметил, что генеральный секретарь ВКП(б) посмотрел на народного комиссара внутренних дел чересчур заинтересовано для данного вопроса. И Берия, отвечая, неожиданно перешел на грузинский язык. И они со Сталиным заговорили по-грузински.

Шепелев, разумеется, ничего не понял. А если бы капитан узнал, о чем беседовали между собой два уроженца Кавказа, был бы несказанно поражен.

Сталин считал, что такого опытного диверсанта, каким ему представили Шепелева, необходимо подключить к разработке ликвидации Троцкого, а подготовка к ней шла тогда полным ходом. Берия, который хотел воплотить в жизнь оперативную комбинацию, неожиданно пришедшую ему на ум по дороге на стадион «Динамо», и не желал подыскивать нового исполнителя, отговорил

Хозяина. И два покушения на Льва Давидовича прошли без участия Бориса Шепелева.²⁰

И как повернулась бы судьба ленинградского капитана госбезопасности, реши тогда его задействовать в операции по устранению врага Сталина номер один? Кто знает...

Два первых лица государства говорили на одном для них языке довольно долго. Или так показалось капитану?

– Хорошо, – вновь перешел на русский товарищ Сталин, пуская табачные дымы. – Мы подумаем, товарищ Шепелев, какому языку вас выучить за два месяца. А вот в том, что нечего вам больше делать в Ленинграде, товарищ Берия совершенно прав...

...Из кабинета товарища Сталина в карцер Шепелева вернули стон и шевеление на полу. Капитану следовало продолжать. Он приблизился к лежащему и всадил носок сапога ему в бок. Сокамерник в ответ ожег ненавидящим взглядом.

– Не дергайся, даю передышку. Слушай меня, баклан, очень серьезно. Я вижу, что ты не первый день в крытке. Может быть, всего второй, а этого уже достаточно. Откуда ты взялся в карцере? Из общей, больше неоткуда. Обо мне здесь знают. Знают, что я отсиживаюсь в этом подвале. В общей целыми днями должны обо мне базарить, как добраться. Значит, тебе не могли не поручить замочить меня. Усекаешь? Тебе и пальчик, небось, повредили, когда ты в отказ шел. Мол, не буду мочить, не хочу. Так?

Однокамерник смотрел на Шепелева очумело. А как ему еще смотреть, когда ощущает, что его вовлекают в какой-то бред, впутывают в малопонятную игру. Он готовил себя к противостоянию с хитрыми и безжалостными «энкаведешниками», ковал железную волю, чтоб вынести пытки, а тут его вовлекают в блатные разборки. При этом невозможно понять, за кого его принимают, и сообразить, как себя вести, что делать.

– Я ждал, кого же закинут меня кончать. Думал, кого посерьезней, а вижу придурка. Тебя то есть. Они, – капитан поднялся с корточек, – совсем меня за вола держат, раз на такого лопуха рассчитывали.

– Я не розумию тебе, я прийшов...

– По-русски говорить! – «психанул» капитан и, нагнувшись, вонзил пальцы в щеки украинца, сжал их. – Ты с вором в законе имеешь дело, козел. Захочу, буду ссать тебе в рот, а ты будешь просить еще. Выдрючиваться с хохляцкими корешами будешь. Понял?

И опять на лице украинца не проступил страх, заметна была лишь безмерная усталость.

²⁰ Оба покушения были подготовлены НКВД. Первое, неудачное, состоялось 23 мая 1940 года, его исполнителями была группа под руководством мексиканского художника Сикейроса. Второе, удачное, осуществил 20 августа 1940 года испанец Рамон Меркадер.

– Да я погано володию российскою мовою, – проговорил он, когда капитан отпустил кожу его лица.

– А ты очень постарайся, чтоб не пожалеть. С кем сидел?

– Один.

– Врешь, сука! – воскликнул капитан, дернулся к сокамернику, и тот, приподнявшийся на полу, невольно отпрянул в сторону. Но на этот раз его не ударили. – Полна крытка людей, а тебя одного сажают!

– Да, одного.

– На чем взяли?

– Не розумию... не понимаю.

– За что сюда уекли? – капитан показал пальцем на потолок. – Чего натворил?

– Та ничего. Помилка... ошибка вийшла. За политичного приймают.

– Ой, лепишь, козел! – повышением голоса и ударом кулака о ладонь капитан показал, что снова начинает вскипать. – Политики в общей сидят. А чего тебя в одиночку определять? Ты что Чемберлен или Зиновьев какой?

– Я правду говорю. Я, що, знаю, за кого мене приймають!

Сидя на полу, сокамерник растирал пришибленный новым приятелем бок и холодил палец стеной карцера.

– Ты, говори, говори, я слушаю. Когда вор спрашивает, ты, сявка, должен охотно отвечать. Как попался?

– В ночи гуляв, а там облава. У неё и потрапив.

За дверью послышалась тяжелая поступь пустившегося в обход надзирателя. Шепелев замолчал, присел возле стены, обхватив голову руками. А если товарищ Берия и те товарищи, что проинформировали его о львовских делах, ошиблись в выводах? Напрасно страдала моя кожа? Вот удивится Оля, когда он заявится после фронта и госпиталя с татуированной грудью. Заявится... Дадут от силы дней пять так называемого отпуска, чтоб съездить в Ленинград, съехать с квартиры, забрать вещи и распрощаться с Литейным. Вопрос с продолжением службы в Москве решен и закрыт. А что ему делать? Решать и закрывать вопрос с Ольгой в сторону женитьбы? Тогда надо прощаться с оперативной работой. Он не сможет совмещать семью и задания, которые ему приходится выполнять. Каково быть женой человека, который прощается до вечера, а возвращается через неделю, а, может, кстати, и вовсе никогда не вернуться. Да и ты сам, обзаведясь семьей, становишься уязвимее и слабее.

Заскрипела отодвигаемая заслонка «глазка», круглое отверстие в двери окрасилось желтым коридорным светом, потом его закрыло темным. Убедившись, что в карцере порядок, надзиратель вернул заслонку на «глазок» и затопал прочь, к месту своей постоянной дислокации.

«Если товарищ Берия и прочие товарищи заблуждались, – вернулся капитан к своим сомнениям, – то я должен буду понять это сегодня вечером. Если, конечно, я как следует отыграю свою роль. До вечернего допроса моего будущего друга времени еще полно. Часиков пять в запасе, чтобы я ему втолковал, что требуется, вбил нужное настроение, пустил думы по мной прорытому каналу.

Еще какое-то время капитан молчал, вроде бы о чем-то размышляя. Второй невольник карцера, разумеется, тоже не проронил ни слова. Наконец, в камере вновь зазвучало человеческий голос. Капитана.

– Кликуха у тебя есть?

– Нема.

– А звать как?

Человек задумался. Потом ответил:

– Кемень.

– Это имя или фамилия? – в первый раз за время их знакомства первый обитатель карцера о чем-то спрашивал сокамерника миролюбиво.

– Фамилия.

– Поляк, что ли?

– Хохол.

Шепелев задумчиво потер поросший щетиной подбородок.

– Слышал про Жоха?

– Якого Жоха?

– Я – Жох, я! – капитан ткнул себя пальцем в грудь.

«Прости, Леня, что нарядился в твою кожу, – подумал Шепелев. – Но, видишь, ты, получается, как бы еще жив».

– Если слышал, то должен понимать, что мне терять нечего! Я живой, пока сижу в этом карцере. Ты учти, баклан, мне так и так из этой хаты выходить нельзя. Разве только на волю. Понимаешь, о чем я?

– Нет. О чем?

«Уже чем-то интересуешься, – отметил про себя капитан. – Это хорошо, как любит говорить товарищ Сталин. Не слишком убедительно играю вора, но в нашем случае сойдет, публика не блатная, лажи просечь не должна. Потому продолжим в том же духе»...

* * *

Если бы не провожатый, встретивший его на входе, то Бандера самостоятельно не добрался бы до начальника абвера к назначенному времени, а непременно заплутал бы в лабиринтах коридоров здания на Терпицуфер 74/76. Сколько ж проходов, переходов, полутемных коридоров, растянувшихся на километры, и их ответвлений, лесенок, необъяснимых ступенек, тупиков. Как в муравейнике.

А если бы он принялся искать лестницу, чтобы по ней взобраться на последний этаж, где располагался кабинет Канариса, то не попал бы к руководителю абвера никогда. Потому что такой лестницы вообще не существовало. Имелся лишь лифт, не иначе установленный еще при кайзере Вильгельме.

И вот теперь Бандера с удивлением осматривался в кабинете главы военной разведки и контрразведки Германии. Опустив голову, не мог поднять ее дальше нужного и приличного, настолько примагнитило его взгляд значимое отсутствие ковра. Значимое, потому что ничто не закрывало рассохшийся, потрескавшийся паркет с отсутствующими рейками, наводящими на мысли о выбитых зубах. Потом Бандера поднял все-таки голову, повел ею по сторонам и изумление усилилось. Ладно бы, помещение не слишком просторное. Ладно бы, мебели раз-два и обчелся. Но мебель такая, что поневоле представляется, как ее стаскивают с пыльных чердаков, выкидывают во двор и, отказывая старьевщикам, везут в абвер, батке Канарису. Вдобавок все мебельные углы и ножки изгрызены собачьими зубами.²¹ А железная кровать походного образца, это как понять?

Диван не на что купить? Очень же важных людей принимают. Наверное, как раз поэтому, пришла к Степану догадка. Канарис как бы говорит: «Посмотрите, братья, я не транжирю гроши, какие мне доверяет рейх, не выкидываю их даже на роскошь в учреждении, значит, нечего и говорить, что на себя ни пфеннига не пускаю».

²¹ Бандеру совсем добило бы, если бы он узнал, что углы не только обгрызены, но и еще помечены. Канарис очень любил свою собаку, жесткошерстную таксу по кличке Сеппл, все ей позволял и прощал, держал ее фотографию в кабинете на камине.

– Добрый день, господин Бандера, – Канарис сидел за рабочим столом. – Или «здоровеньки булы», как говорят у вас. Садитесь.

Тронутый почтением к его языку Степан присел на один из выдавших виды стульев кабинета, приставленный к столу, за которым проходят ежедневные утренние совещания, носящие название «колонна».

– Общие вопросы нашего сотрудничества мы отложим на следующую нашу встречу, господин Бандера.

Степан кивнул. Он впервые живьем видел батьку Канариса, мало что о нем ведал. Не ведал, например, Степан, что начальник абвер знает приветствия на всех европейских языках, чем завоевал симпатии ни одного человека. Не ведал и того, что Канарис не словоохотлив и крайне предметен в разговорах. Поэтому вопросы стратегии сотрудничества абвера и ОУН, если и будет кто обсуждать с Бандерой, так не Канарис, скорее всего, то будет Лахузен, глава отдела «абвер-2»²².

– У меня к вам такой вопрос, господин Бандера, – начал Канарис...

* * *

В карцере следственного изолятора НКВД города Львова продолжали беседовать два человека. Назвавшийся Жохом и назвавшийся Кеменем. Разговор их проходил уже без рукоприкладства, вполне дружелюбно. Больше говорил Шепелев-Жох, Кемень больше слушал.

– Да, фраерок, – капитан, в основном, сидел на корточках, переносил вес с ноги на ногу, – в нашем огороде цветут те же поганки. Если тебя оклеветали, то проще тебя пришить, чем доверять тебе. Вот я и свинтил, когда мне шепнули, что толковище порешило поставить меня на ножи. Знаю я, кто на меня маралью пустил. Гоша-грамотей. Согласно кликухе грамотно все, сука, обставил, не отмоешься. Он давно меня зарыть хотел. У нас месилово за власть идет почище, чем в Гражданскую между красными и белыми. Сюда я двинул, потому думал, тут не достанут. Прикидывал, что советскую власть тут только устанавливают, наши воры с вашими еще не определились, как им здешний общак поделить. Просчитался. Эх, мать моя, как курить охота! Видишь, фраерок, какие дела вытанцовываются. Успели ваши воры влиться в дружную советскую семью.

– Яка братська симья! – не удержался от восклицания камерный собеседник Шепелева, глаза его запылали. – Я бачу разючи змини, яки видбулися у житти симьи радяньских побратимов. Багнети, пендрики, гризни наказы и жорстокий терор.

– Ты я смотрю, двинут на этом деле. А того не рубишь, что плевать, какого цвета ксива и чьим гражданином ты там прописан. Воры везде есть, и легавых везде хватает. Значит, нет никакой разницы. Разница есть только в том, что ты из себя представляешь. Обиженный, шестерка, мужик, в законе или цветной. Шестерки они, знаешь, и на Украине шестерки.

Читая лекцию о воровском интернационализме, Шепелев вытащил уже знакомую его сокамернику щепку, стал ей поигрывать. Это он дал волю уже своей, шепелевской, а не персонажа, под которого работал, привычке во время разговора вертеть что-нибудь в пальцах.

²² Абвер-2» – один из пяти отделов абвера, занимался диверсионными операциями за рубежом и в тылу стран, воюющих с Германией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.